

**РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ
В КОНТЕКСТЕ РАДИКАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Сборник научных трудов
XXI российской
научно-практической конференции
(с международным участием)
12–13 апреля 2019 года**

Екатеринбург
Гуманитарный университет
2019

**Russian Man and Power
in the Context of Dramatic Changes
in Today's World**

Collection of academic papers from the
21st Russian scientific-practical conference
(with international participation)
(Yekaterinburg, April 12–13, 2019)

Yekaterinburg
Liberal Arts University – University for Humanities
2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	16
Приветственное слово на открытии конференции Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой	21
1. Философско-культурологическая секция	25
<i>Закс Л. А.</i> Технологическая революция наших дней – вызов российской власти	27
<i>Злотникова Т. С.</i> Власть в России: <i>modus vivendi</i> и <i>artis imago</i>	38
<i>Оводова С. Н.</i> Постколониальный и пространственный повороты в теории культуры: дискурс «подчиненных» локальностей	49
<i>Фан И. Б.</i> Свобода или безопасность в России: мнимый выбор	59
<i>Зайцев П. Л.</i> Феноменологический подход к анализу общества потребления: Э. Гуссерль и Ж. Бодрийяр	68
<i>Еремин А. В.</i> Религиозные детерминанты государственной власти в эпоху глобализации	75
<i>Кныш Е. В.</i> Формирование новой российской церковности: общество, власть, право	83
<i>Сердюкова А. С.</i> Ценностные ориентации и граждане будущего	94
<i>Брандт Г. А.</i> Театр как социокультурный институт: переопределение базовых конвенций	101
<i>Вдовина Т. Ю., Дудина М. М.</i> Исследование реализации государственных требований к профессиональной подготовке студентов вуза в области хореографии	109

2. Экономическая секция	119
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i> Макроэкономический анализ экономики России в 2018 году	121
<i>Крутько И. С., Чаликова О. С.</i> Личностные корреляты организационной лояльности персонала	129
3. Правовая секция	141
<i>Семитко А. П.</i> Человек и власть: принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства	143
<i>Семякин М. Н.</i> Принцип пропорциональности в зарубежной правовой доктрине и практике и его интерпретация в России в контексте обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов	159
<i>Рундквист А. Н.</i> Комплексный метод оценки соответствия законодательства принципу справедливости на примере налоговых отношений	168
<i>Незнамова З. А.</i> Криминализация и декриминализация как индикатор отношения человека и власти	177
<i>Филипповская Т. В.</i> Цифровизация образования в правовом и социально-экономическом контексте	187
<i>Глушкова С. И.</i> Идеи прав и свобод человека, гражданственности в правовых идеалах российских либералов	196
<i>Дмитриев А. В.</i> Истоки государственно-правовых идей русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века	207
<i>Шипицин О. А.</i> С. С. Алексеев о праве и правах человека в эпоху радикальных перемен	216

4. Социально-психологическая секция	225
<i>Зотова О. Ю., Тарасова Л. В.</i> Содержательные, процессуальные и дискурсивные характеристики трансформации этнической идентичности в условиях межнациональных отношений	227
<i>Донцов А. И., Зотова О. Ю., Мостиков С. В.</i> Трансформация ценностных ориентации при международной миграции	238
<i>Шабас С. Г.</i> Обучение кибербезопасности при взаимодействии с родителями в детском саду	246
<i>Пермякова М. Е., Виндекер О. С., Сморкалова Т. Л.</i> Удовлетворенность жизнью и счастье россиян зрелого возраста	254
<i>Сюткина Е. Н., Тарасова Л. В., Солодухина О. С., Белоусова Н. А.</i> Архетип дома в контексте проблем безопасности и этнической идентичности	268
<i>Путилова О. В., Виндекер О. С., Сморкалова Т. Л.</i> Исследование психологической разумности в связи с разными типами рефлексии	276
<i>Зотова О. Ю., Перельгина Е. Б., Мостиков С. В.</i> Изменения Я-образа в результате эмиграции	286
5. Секция журналистики, рекламы и связей с общественностью	295
<i>Балмаева С. Д.</i> Внимание, доверие и власть в российских «новых медиа»	297
<i>Дроздова А. В.</i> О власти визуальных образов в эпоху новых медиа	305
<i>Гилязова О. С.</i> Роль, возможности и ограничения социальных сетей в выстраивании диалога между населением и властью: русская практика	313
<i>Булатова Э. В.</i> Особенности смысловой структуры политических предвыборных PR-публикаций	326
<i>Калганова С. О.</i> Развертывание дискурса в условиях дефицита информации	335

<i>Архипова Ю. В.</i> Как бренды продвигают идеи феминизма (на примере рекламных кампаний Gillette и Reebok)	346
<i>Голубкова Е. А., Грунт Е. В.</i> Ambient media как новый тренд в социокультурном пространстве российского города	355
<i>Шматов Г. А.</i> О планировании периодической рекламы	364
<i>Мясникова М. А.</i> Телевидение глазами цифрового поколения: к проблеме медиапотребления	374
<i>Аликперов И. М., Ахьямова И. А.</i> Разработка коммуникационной политики современного русского театра в новых институциональных условиях	386
<i>Антонова Н. Л., Хафизова В. Р.</i> Профессиональные ценности будущих журналистов	398
6. Секция социально-культурного сервиса и туризма	407
<i>Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С.</i> Социальные логики туризма	409
<i>Рамзина С. А.</i> Идеология клиенториентированного сервиса: институционально-общностные основания	418
<i>Мясникова Л. А., Голомидова О. Ю.</i> Потребитель – государство – бизнес – культура: проблема, тенденции, новации в развитии туризма	428
<i>Базаров Е. Ю.</i> Проблема развития минералогического туризма на Урале	441
7. Секция информационных технологий	451
<i>Агеносов А. В., Хмелькова Н. В.</i> От рекламной интеграции к кобрендингу: развитие маркетинговых альянсов в цифровой среде	453
<i>Грибовод Е. Г.</i> Цифровизация и ее воздействие на политическое медиапространство: теоретический аспект	464
<i>Ковба Д. М.</i> Цифровые технологии в образовании: история, проблемы и возможности	472

<i>Шитова Т. Ф.</i> Использование ERP-систем для эффективного управления бизнесом	481
<i>Белоусова В. И., Ермакова Г. М., Поторочина К. С., Чуксина Н. В., Шестакова И. А.</i> Организация самоконтроля студентов при обучении математике средствами информационно-образовательной среды	490
<i>Исаев А. П., Пьянзина Е. П.</i> Новые возможности для совершенствования систем управления качеством образования в вузах	499
<i>Куликова О. В., Кныш А. А.</i> Формирование прикладных математических компетенций студентов вуза с использованием информационных технологий	510
8. Секция физической культуры и спорта	521
<i>Гайл В. В., Чудиновских А. В., Фаттахов А. П.</i> Компетентностно ориентированная технология подготовки юных легкоатлетов-спринтеров	523
<i>Гернет И. Н., Пушкина В. Н.</i> Изменение физического и функционального состояния женщин молодого возраста, занимающихся калланетикой	532
<i>Зюрин Э. А., Петрук Е. Н., Бобкова Е. Н.</i> Исследование активности взрослого населения в физкультурно-спортивной деятельности	541
<i>Макеева В. С., Бруй К. Е.</i> Организационно-педагогическое сопровождение физической активности родителей учащихся общеобразовательной школы	549
<i>Полиевский С. А., Цой Е. В.</i> Обоснование экспресс-методов восстановления работоспособности студентов-спортсменов в динамике учебно-тренировочного дня	557
<i>Резер Т. В.</i> Особенности восприятия учебной информации современными студентами высшей школы	566
<i>Рогалева Л. Н., Малкин В. Р., Буркова А. М., Вичужанин Р. А.</i> Есть ли различия в стилях деятельности тренеров в индивидуальных и командных видах спорта?	576

<i>Рогалева Л. Н., Малкин В. Р., Лукманова Э. И., Гумерова А. А.</i> Реализация проекта «Теория и практика достижения превосходства в спорте» в подготовке магистрантов Сетевого университета СНГ	584
<i>Ямалетдинова Г. А., Белых С. И., Коляда М. Г., Олейник О. С.</i> О подготовке и переподготовке преподавателей для физического воспитания студентов	592
<i>Ямалетдинова Г. А., Семенов С. Е.</i> Показатели развития профессиональных компетенций у тренеров по чирлидингу	602

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC02
УДК [316.462:316.75](470)

Власть в России: *modus vivendi* и *artis imago*

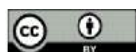
Татьяна С. Злотникова,

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0003-3481-0127, e-mail: cij_yar@mail.ru

Аннотация. В современных российских социально-культурных, культурфилософских, социопсихологических и художественно-эстетических практиках актуализируется российская традиция неприятия, критики, нескрываемой ненависти и страха перед властью. Однако сегодня власть перестала быть предметом одномерного отрицания или осуждения, превратившись в предмет междисциплинарного научного дискурса, где интегрированы культурология, философия, социальная психология, семиотика, искусствоведение, история (история культуры). В статье теоретически обоснованы и эмпирически подкреплены две грани представлений о власти. Первая грань: уникальная, не только политическая, но ментальная детерминанта проблемы власти в России, своего рода отражение *modus vivendi*. Вторая грань: художественно-образная детерминанта проблемы власти в России, обозначенная как *artis imago*. Теоретические основания разрешения поставленных проблем найдены в суждениях Ф. Ницше о бинарной оппозиции властитель – масса, Г. Лебона о «вожаке», К.-Г. Юнга о механизмах мотивации человека на власть. Сказано о «семиозисе власти» в фокусе суждений А. Ф. Лосева, П. А. Сорокина, Р. Барта. С опорой на представления З. Фрейда о бессознательном и представления Г. В. Плеханова, Ж. Маритена о тоталитарной власти обоснован концепт «имперское бессознательное». Обращено внимание на значимость мотива свободы художественного творчества (Д. Дидро, В.Г. Белинский как теоретики, С. Ю. Юрский как практик искусства). Власть как субъект воздействия и объект анализа русских творцов исследована на материале суждений и творческого опыта А. С. Пушкина (в контексте творчества многих создателей произведений о российских «самозванцах»). Специальное внимание уделено телесериалам начала XXI в. о советских властителях (Сталин, Хрущев, Брежнев, Фурцева). Сделан вывод об актуальности для современной России пушкинской реплики о «живой власти», для «черни ненавистной».

Ключевые слова: власть, Россия, культура, *modus vivendi*, *artis imago*, имперское бессознательное, творческая личность.

Для цитирования: Злотникова Т. С. Власть в России: *modus vivendi* и *artis imago* // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 38–48. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC02.

Power in Russia: *Modus Vivendi* and *Artis Imago*

Tatyana S. Zlotnikova,

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russia

ORCID: 0000-0003-3481-0127, e-mail: cij_yar@mail.ru

Abstract. Contemporary Russian socio-cultural, cultural and philosophical, socio-psychological, artistic and aesthetic practices actualize the Russian tradition of rejection, criticism, undisguised hatred and fear of power. Today, however, power has ceased to be a subject of one-dimensional denial or condemnation, becoming the subject of an interdisciplinary scientific discourse that integrates cultural studies, philosophy, social psychology, semiotics, art criticism and history (history of culture). The article provides theoretical substantiation and empirical support for the two facets of notions of power. The first facet is the unique, not only political, but also mental determinant of the problem of power in Russia, a kind of reflection of *modus vivendi*. The second facet is the artistic and image-based determinant of problem of power in Russia designated as *artis imago*. Theoretical grounds for solving these problems are found in F. Nietzsche's perceptions of the binary "potentate-mass" opposition, G. Le Bon's of the "leader", K.-G. Jung's of mechanisms of human motivation for power. The paper dwells on the "semiosis of power" in the focus of thoughts by A. F. Losev, P. A. Sorokin, R. Barthes. Based on S. Freud's views of the unconscious and G. V. Plekhanov's and J. Maritain's views of the totalitarian power, we substantiate the concept of "the imperial unconscious". The paper focuses on the importance of the freedom motif in art (D. Diderot and V. G. Belinsky as theorists, S. Y. Yursky as an art practitioner). Power as a subject of influence and object of analysis by Russian creators is studied on the material of perceptions and creative experience of A. S. Pushkin (in the context of works devoted to Russian "impostors" by numerous authors). Special attention is paid to the early twenty-first century television series on Soviet rulers (Stalin, Khrushchev, Brezhnev, Furtseva). The conclusion is made on the relevance of Pushkin's remark about "living power" "hated by the rabble" for contemporary Russia.

Keywords: power, Russia, culture, *modus vivendi*, *artis imago*, imperial unconscious, creative personality.

For citation: Zlotnikova TS. Power in Russia: Modus Vivendi and Artis Imago. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 38–48. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC02.

Введение

Философия жизни в России тесно интегрирована в философию (скорее, правда, мировосприятие) власти. В современных российских социально-культурных, культурфилософских, социопсихологических и художественно-эстетических практиках, по сути дела, нет ничего нового по сравнению с тем, что наблюдалось и осуществлялось в России других эпох. По «мотивам» правления Петра I появилась народная драма «Царь Максимилиан», в которой исследователи видели как аллюзии на русскую историю, так и отголоски также народной драмы о царе Ироде, утверждая буквально следующее: «В драме, вероятнее всего, отражен известный конфликт между Петром I и его сыном Алексеем» [6, с. 116]. В России что ни художественный либо публицистический текст –

то воплощенное неприятие, критика, даже нескрываемая ненависть и, конечно, страх перед властью. Массовое сознание, бросая рефлекс на индивидуальное авторское, становится исходной позицией для появления полотен, масштабных по физическому объему и камерных по напряженности психологического состояния персонажей: Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе», И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (другое название «Иван Грозный убивает своего сына»). Пьесы-обвинения, создававшиеся классицистами (А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин), А. С. Пушкиным, А. К. Толстым, пьесы-панегирики как дань страху и отражение социального заказа, создававшиеся советскими авторами об Иване Грозном (чего стоит известная по устным воспоминаниям история создания получивших впоследствии Сталинскую премию разных степеней дилогии А. Н. Толстого, стихотворной трагедии И. Л. Сельвинского «Ливонская война» и патетической драмы В. А. Соловьева «Великий государь»).

Методология

С прежнего времени (по крайней мере, можно говорить о полувековом и более отдаленном прошлом) изменилось только одно, но важное обстоятельство: власть перестала быть предметом одномерного отрицания или осуждения, превратившись в предмет междисциплинарного научного дискурса, который мы далее и попытаемся представить. Культурология и социальная психология, философия и семиотика, искусствоведение и история (история культуры) – вот те **методологические аспекты**, в которых осуществляется **междисциплинарный дискурс власти**.

Результаты и обсуждение

В качестве материала для **дискуссии** мы предлагаем две грани проблемы власти, детерминированные отечественным культурным опытом и современными, подчас противоречивыми, трактовками этого опыта, представляемого все в том же горизонте – горизонте культуры.

Одна грань дискуссии — дискурс власти: власть в России всегда персонифицирована, эмоционально воспринимается жителями, которые могут проявить и бесстрашное и наивное вольнодумство, как пушкинские мужики, желающие продемонстрировать слезы, – кто с помощью луковицы, кто с помощью слюней. . .

И это – уникальная, прежде всего ментальная, детерминанта проблемы власти в России, своего рода отражение *modus vivendi*.

Вторая грань дискуссии – дискурс искусства: именно потому, что в России всегда была сильна тенденция образного осмысления и эмоционального переживания любых жизненных коллизий, значит – в том числе – и взаимоотношений частного человека с властью, здесь приобретает особое значение художественно-эстетический опыт, который к концу XX и началу XXI в. дополняется еще и опытом публицистическим (художественно-публицистическим), предъявляемым не традиционными видами искусства, а новыми СМИ, особенно – телевидением. Здесь мы имеем художественно-образную детерминанту проблемы власти в России, которую обозначаем как *artis imago*.

***Modus vivendi*: имперское бессознательное и «вожак»**

Власть как модус присутствия человека в социуме немислима без коммуникации, в горизонте которой интегрируются субъект и объект воздействия. Мы находим намеки и полноценное обоснование нравственно-психологического, а не только политического аспекта проблемы в репликах, суждениях великих исследователей прошлого, смотревших на проблему в фокусе культуры.

Полагаем, что исходным для эпохи тоталитарных тенденций можно считать ход мыслей *Ф. Ницше*, для которого, как известно, эстетическая детерминанта присутствовала в понимании многих проблем человечества (его патетическое именование обладателя власти – «кормчий страстей»). Напомним, что именно Ницше обозначил логичную для него бинарную оппозицию властитель – масса: «Толпа должна иметь впечатление, что перед ней могучая и даже непобедимая сила воли; или, по крайней мере, должно казаться, что такая сила существует. <...> Такой человек <...> будет тем более популярен. Итак, пусть он будет насильником, завистником, эксплуататором, интриганом, льстецом, пролазой, спесивцем – смотря по обстоятельствам». Дискурс власти для философа был связан не с социально значимой деятельностью, а с эмоциональным воздействием на среду: «Благодеянием и злодеянием упражняются в своей власти над другими», причем первое можно адресовать уже подчиненной части массы, а второе (несущее страдание) – неопитам [10, с. 257, 261, 357–358].

Чуть позднее, чем Ницше, в своей социопсихологической парадигме мало сегодня вспоминаемый великий *Г. Лебон* набросал портрет «вожака». Среди признаков последнего: причастность к массе («он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии»), преобладание деятельностного начала над интеллектуальным («не принадлежат к числу мыслителей»), полное отсутствие интуитивного, в том числе пробабалистического, мировосприятия («так как проницательность ведет обыкновенно к сомнениям или бездействию»), психическая неуравновешенность и вытекающая из нее готовность приносить в жертву все, что угодно («полупомешанные, находящиеся на границе безумия»), отсутствие инстинкта самосохранения («единственная награда, к которой они стремятся, – это мученичество»), наконец, обладание недюжинной силой внушения. Особое свойство, которое названо, совершенно неакадемически, обаянием («род господства какой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умом индивида»). По мысли Лебона, свойства «вожака» – суть свойства толпы, в силу чего сила воздействия первого на вторую и оказывается непреодолимой. Причем это самое воздействие осуществляется тремя способами, которые исследователь определил так: «утверждение, повторение, зараза» [7, с. 71–79].

Полагаем, что упомянутая выше междисциплинарность дискурса власти родилась из сочетания философских (идуших от *Ф. Ницше*) и социопсихологических (идуших от *Г. Лебона*) идей относительно персональных и в то же время социально значимых свойств носителя власти в сочетании со свойствами объекта ее воздействия. Интеграцию двух подходов видим у *К.-Г. Юнга*, которого более всего интересовали механизмы мотивации человека на власть. Используя понятие «влияние» и отсылая к семейным (мужчина – женщина, мать – сын) отно-

шениям, апеллируя к З. Фрейду и А. Адлеру, Юнг ставит рядом два природных инстинкта: «эрос» и «жажду власти». Недаром, повторим, Юнг апеллировал к Адлеру, поскольку говорил, по сути дела, о происхождении жажды власти из комплекса неполноценности («из-за социальной неудовлетворенности имеется потребность в признании и власти») [17, с. 26, 65, 205–206, 255].

Междисциплинарный дискурс власти в XX веке включает в себя значимые, но мало востребуемые при изучении социально-культурной проблематики семиотические аспекты, которые мы могли бы назвать «семиозисом власти».

Во-первых, сошлемся на А. Ф. Лосева, отметившего тенденцию символизации жизненных явлений: фата невесты и кольцо – символы брака, клобук, мантия, сутана – символы духовенства, корона, держава, скипетр – символы верховной/самодержавной власти. Власть в разных сферах имеет и разные символы, к числу которых Лосев отнес город – воплощение «и тупой власти собственников» [8, с. 185].

Во-вторых, сошлемся на П. А. Сорокина, который власть и символы власти, как материальные, так и нематериальные, упоминал многократно, однако, что особенно интересно, придавал власти значение либо сугубо политическое (вслед за Г. Спенсером, обозначая «власть» как «чувство сообщества», рядом с которым упоминается «воля деспотов»), либо сугубо экономическое («проблему власти и господства»). Для Сорокина существовал комплекс «фетишизированных» символических проводников представлений о власти: звуки (заклинания, заговоры, молитвы), люди (Папа, император). Все символы и знаки власти приводят Сорокина к негативной оценочной шкале, куда вписано и представление о власти: он называет в одном ряду «человеческую алчность, жадность, страсть власти, борьбу за существование» [14, с. 129, 170, 324, 347].

В-третьих, сошлемся на Р. Барта, который, разумеется, учитывал идеи своих российских предшественников, обращая особое внимание на важную для массового сознания процедуру визуализации как символизации знаков/символов власти. Отмечая принятые на обыденном уровне символы, к примеру мужественности («трубка, собака, очки, каминная доска за спиной»), Барт иронизировал по поводу американских исполнителей ролей римских властителей и противопоставлял вполне «римского» по хабитусу, в медицинском, а не социологическом смысле, М. Брандо – Марка Антония с «правильной» челкой и далекого от визуального образа римского властителя Л. Кэпхерна – Юлия Цезаря, «толстомордого англосаксонского адвоката» [1, с. 70–71, 74].

Кто бы из исследователей ни обращался к власти как *modus vivendi*, контекстуально присутствуют две стороны проблемы: субъект (обладающий властью или стремящийся к ее обретению) и объект (толпа, масса, население, электорат). Не требуется специальных пояснений на тот счет, что объект в данном случае – это носитель коллективного бессознательного. Но требуется напоминание о том, что бессознательное может являться не только объектом, но и субъектом; это особенно важно, когда речь идет о властных интенциях и порождаемых ими проблемах.

Бессознательное – и у первобытного стада, и у древней орды, следовательно, у любой массы, – по З. Фрейду, «производит на отдельного

человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности» [15, с. 85].

Следуя за великими предшественниками, мы ввели в научный оборот понятие «имперское бессознательное» [3], полагая, что оно имеет субъектом не аморфную массу, а государство – в частности, империю в традиционном значении или тоталитарную систему, рассматриваемую по аналогии с империей. ИмPLICITно сформировавшийся в культурных практиках и, отчасти, в исследовательских штудиях, этот концепт находится в бинарной оппозиции к творческому самосознанию, но в то же время органично интегрирован в обыденное сознание. Мы видим в качестве основания для названного концепта предложенное Г. В. Плехановым понятие «государственные музы»; они существовали и в России, в крупных европейских странах, а имелись в виду «музы художников, подчинившиеся их (императора и корпуса жандармов. – Т. З.) влиянию» [11, с. 330].

Выстроенную социокультурными реалиями логическую цепочку «*власть–масса/толпа*» мыслители последних ста с лишним лет видели как в дихотомическом, так и в конформном проявлении. Так, Ж. Маритен, отчасти варьируя мысль Плеханова, отмечал тенденцию, в соответствии с которой тоталитарное государство может не только уничтожать, но и «приручать» творцов [9, с. 187]. Следует попутно отметить, что в современном мире властные интенции поддерживаются множеством известных возможностей и требований массовой культуры, которая позволяет проявляться имперскому бессознательному в силу торжества потребностей массовой культуры в новизне и простоте впечатлений.

Но для понимания смысла *имперского бессознательного* важно обратить внимание и на традиционно болезненную для России вторую логическую цепочку, примыкающую к первой: «*власть – творец*». Где власть, там ограничение свободы творчества или самой возможности творчества. Вот почему в контексте имперского бессознательного в нашей стране, как бы она ни именовалась в разные периоды своей жизни, отношение к свободе творчества (как свободе от воздействия власти) всегда было болезненным. В басне И.А. Крылова «Кошка и соловей» рождается метафора несвободы творчества, а реплика императора Николая I о готовности самому стать цензором А. Пушкина стала символом имперского (в широком смысле) давления на творца. Причем важно: если для европейцев свобода в основном имеет эстетическое измерение (Д. Дидро о свободе драматурга и несвободе актера), если же переходит в социопсихологическое измерение, то укладывается в игровую парадигму (Э. Берн), то для российских творцов и представителей власти свобода имеет измерение политическое, в лучшем случае социокультурное.

Среди поистине трагического множества жертв имперского бессознательного – убитых, репрессированных, высланных, лишенных возможности творить – упомянем С. Юрского, прошептавшего в начале своего сценического пути слова Чацкого об отсутствии уголка для «оскорбленного чувства». В противоборстве с имперским бессознательным выдающийся актер, режиссер и писатель С. Юрский воплотил «имперскую» проблематику во многих своих работах, включая литературные произведения. В 1970-х годах – в «Избраннике судьбы» Б. Шоу, где

в его собственной постановке и исполнении Наполеон был не столько военным гением, сколько сомневающимся и испытывающим страхи человеком; главное же – булгаковским «Мольером», легковесным и тягостным, театральным и политическим высказыванием о великой империи и лижущем шпоры великом художнике. В 1980-х, став изгнанником из «имперского» города Ленинграда, Юрский поставил в Москве спектакль-притчу «Похороны в Калифорнии» (по пьесе Р. Ибрагимбекова), вызов, адресованный империи, с пародийным звучанием голосов и драматическим «цирком» как местом нелепой жизни и столь же нелепой смерти. Полагаем, что судьба этого художника в значительной степени есть реализация бинарной оппозиции творец – имперское бес-сознательное [5, с. 728–752].

***Artis imago*: образ власти в русской культуре от драмы Пушкина до телесериалов начала XXI века**

И в мировой, и в российской культурной практике нелюбовь к власти – как со стороны массы, так и со стороны одинокого творца – имеет альтернативу, согласно которой осуществляется компенсаторная функция: совершается попытка спустить власть с высот «трона» в обыденно-близкое пространство, а представителя власти превратить в понятное и подчас даже забавное существо (так работает знаменитый принцип «очуждения», сформулированный и реализованный Б. Брехтом).

Одним из главных механизмов легитимизации власти в обыденном пространстве во все времена была игра: она может вестись и на коммуникативном уровне, и на художественно-эстетическом.

Коммуникативный уровень игры власти с публикой и игрового отношения населения к власти отмечал Й. Хёйзинга, поскольку, говоря словами русской классики, для него и «вся жизнь» была «игра». Недаром он называл спортивными атмосферу и нравы парламентской жизни в Англии, видя в игре регулятор властных интенций и считая, что «игровые формы более или менее сознательно используются для утаивания общественных или политических намерений...» [16, с. 230, 233].

Развивая идею Хёйзинги, можно предположить, что игра как коммуникативный модус становится инвариантом художественного творчества, образы которого формируют определенное представление о власти.

Власть как субъект воздействия и объект анализа русских творцов воплощена в художественной практике весьма разнообразно, о чем мы писали специально [4]. Власть в ее социально-политических, отчасти нравственно-психологических аспектах была предметом постоянного внимания русских классиков. Правда, в одних случаях это была власть максимально высокого уровня (исторические пьесы А. С. Пушкина, А. К. Толстого), в других – так сказать, обыденного уровня, представленная не царями, а помещиками, купцами, чиновниками и отраженная не в трагических или драматических, а в юмористических, часто сатирических коллизиях (В. В. Капнист, Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, А. В. Сухово-Кобылин, М. Е. Салтыков-Щедрин).

Обратим внимание на прозрение Пушкина, наблюдавшего в юности из окон приятеля Михайловский замок (кружок «Зеленая лампа») с его историей смерти/убийства Павла I. Мы обнаружили у Пушкина, прежде всего в «Борисе Годунове», да и во множестве других художе-

ственных, эпистолярных текстов, мотив, который назвали «тихим самозванством»: смена, захват власти не с боями, а со множеством обыденных, на первый взгляд простодушных разговоров, подчас без выстрелов и криков. В. Г. Белинский точно отметил размах и многозначность решения этой темы в «Борисе Годунове»: «Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая – властолюбие <...> Ни одна страсть не стоила человечеству столько страданий и крови, сколько властолюбие» [2, с. 577].

В драме А. С. Пушкина и в трилогии А. К. Толстого пьесы о Годунове названы его именем. У многих других авторов, как русских, так и зарубежных, писавших о коллизии «смутного времени» в России, начиная с практически неизвестных, хотя и переведенных у нас сочинений Лопе де Вега «Великий князь Московский» и Ф. Шиллера «Дмитрий Самозванец» и заканчивая пьесами А. С. Хомякова, Н. А. Чаева, А. С. Суворина, – в центре сочинений был близкий к романтической парадигме молодой претендент на трон. Движение к власти могло вызывать сочувствие или сожаление о судьбе исторического персонажа, обладание же властью – всегда и только повод для критики, осуждения. Пушкин зеркально критичен и одновременно милосерден, сближая царя на троне и претендента: Борис называет себя царем «законным, назначенным, избранным всенародно»; Самозванец считает себя избранныком «суда мирского», уничтожающего «злодея» Бориса.

Полагаем, что даже на фоне множества сочинений о власти и ее бесчеловечности, от античных трагедий до «Тамерлана Великого» К. Марло, с учетом всех вариаций судеб и характеров властителей у В. Шекспира, понимание психологии власти у Пушкина – уникально. Молодой автор, завершив работу над «Борисом Годуновым» менее чем за полгода до восстания декабристов, сетовал в сентябре 1825 года на то, что своего заглавного героя воспринимал лишь «с политической точки зрения, не замечая поэтической его стороны» [13, с. 182]. Уже зрелый литератор писал А. Х. Бенкендорфу, видимо считая, что этот представитель власти способен его понять: «Все смуты похожи одна на другую» (письмо от 16 апреля 1830 г. писано по-французски, дословно так: «Tous les troubles se ressemblent») [13, с. 281, 807]. В дневнике 1831 года он подводил итог осмыслению власти как части жизни, а не отдельной от жизни, иррациональной субстанции: «Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими отношениями с государем» [12, с. 23].

Наследниками, но явно не «по прямой» по отношению к отечественным классикам стали создатели многочисленных телесериалов начала XXI века о представителях отечественной высшей власти.

Телевизионная продукция становилась то данью календарным точкам, то отражением интеллектуального, художественно-творческого уровня и вкуса руководства каналов. «Политические» телесериалы охватывали время от XVIII до XX в., вернувшись затем к древнерусским эпизодам. Везде власть отражена в откровенно построенных мифах. Политиков XX века через архетипические обобщения стремятся сделать родными, близкими, причем неважно, позитивные или негативные коннотации заложены в характеристики. Среди заметных не только и не столько своими художественными достижениями, сколько выражением подходов массового сознания к персонам власти, отметим по-

литический «приговор» Сталину («Дети Арбата», реж. А. Эшпай, 2004). Глубокий старик, бессильная развалина (вопреки реалиям, поскольку действие происходит в начале 1930-х годов), самый страшный носитель власти в России XX века был сыгран гротесковым актером М. Сухановым как существо, которое самим фактом своего существования, а не реальными действиями влияет на судьбу страны. В том же 2004 году недавний автор сатирической телепередачи «Куклы» В. Пичул создал в документальном проекте историческую «куклу» – Хрущева.

Стремление не просто оправдать власть в конкретных лицах, но придать этим лицам «теплинку», как говорили журналисты эпохи «застоя», было сверхотчетливым в «Легенде о Екатерине» (реж. С. Попов, 2011) и «Брежнев» (реж. С. Снежкин, 2005). Оба сериала стали прибежищем бытовых мифов; их признаки – невкусная пища, странная убогая одежда, невнятная речь присвистывающего престарелого правителя, разъезжавшего в «членовозе», наивные интриги и безобидные измены. На смену присущим русской классике аналитическим, а не просто критическим тенденциям пришел неожиданный эффект постсоветской ностальгии. Вот почему представляется, что главным достижением постсоветских телесериалов о советской власти стал безошибочный подбор актеров-типажей: И. Розанова – Фурцева с ее беззащитностью и В. Сухоруков – Хрущев с его задумчивым обаянием, горестно состарившийся (блестяще состаренный гримерами) С. Шакуров – Брежнев.

Эти и другие телесериалы превратились в своего рода анамнез в полном, медицинском смысле слова, но не смогли стать диагнозом в смысле политическом. Для тех, кто в детстве застал Хрущева и немалый кусок жизни прожил при Брежнев, кто знал множество деталей общения Фурцевой с людьми искусства, – все было сглаженно и приблизительно; для тех, кто родился в конце брежневского периода или позднее, – непонятно, неважно в политическом и наивно в психологическом плане.

Вывод

Наши многоаспектные междисциплинарные исследования власти в культурологическом дискурсе приводят к неизбежному **выводу**: пушкинская реплика о «живой власти», которая «для черни ненавистна», остается актуальной для современной России так же, как это было без малого 200 лет назад...

Информация об авторе

Татьяна Семеновна Злотникова, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии, научный руководитель Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль, Россия).

Information about the author

Tatyana S. Zlotnikova, Dr. Sci. (Art Criticism), Professor, Professor at Department of Cultural Studies; Academic Director, *World of Russian Province* National Research Center, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Yaroslavl, Russia.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии / вступ. статья и комментарии С. Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
2. Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. М. : ГИХЛ, 1948. Т. 3. 927 с.
3. Злотникова Т. С. Имперское бессознательное – контекст творческого самосознания личности // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1 (Гуманитарные науки), № 2. С. 213–217.
4. Злотникова Т. С. Субъект культуры и субъект власти (русские творцы – интерпретаторы коллизий власти в России) // Вопросы культурологии. 2014. № 9. С. 44–53.
5. Злотникова Т. С. Философия творческой личности. М. : Согласие, 2017. 918 с.
6. История русского драматического театра : в 7 т. Т. 1 : От истоков до конца XVIII века / сост. В. Н. Всеволодский-Гернгросс. М. : Искусство, 1977. 485 с.
7. Лебон Г. Психология масс / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара : Изд. дом БАХРАХ-М, 1998. 592 с.
8. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / ред. А. А. Тахо-Годи. Изд. 2-е, испр. М. : Искусство, 1995. 320 с.
9. Маритен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе : сборник. М. : Политиздат, 1991. 366 с.
10. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: афоризмы и изречения / пер. С. Л. Франк, К. А. Свасьян. Минск : Попурри, 1997. 704 с.
11. Плеханов Г. В. Искусство и общественная жизнь // Эстетика и социология искусства : в 2 т. М. : Искусство, 1978. Т. 1. 631 с.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. 8. 580 с.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. 10. 899 с.
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
15. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет : в 2 кн. Тбилиси : Мерани, 1991. Кн. 1. 398 с.
16. Хейзинга Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня / ред., авт. послесл. Г. М. Тавризян ; пер. с нидер. В. В. Ошис. М. : Прогресс, 1992. 458 с.
17. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. с нем. А. М. Боквинова ; предисл. А. В. Брушлинского. М. : Изд. гр. «Прогресс» : Универс, 1996. 336 с.

Статья поступила в редакцию: 08.07.19

Принята к публикации: 20.08.19

References

1. Barthes R. *Mifologii [Mythologies]*. Moscow: Sabashnikov Publishing House; 1996. 312 p. (In Russ.).
2. Belinsky VG. *Sobranie sochinenii v 3 t. [Collection of Works: in 3 vol.]*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury; 1948. Vol. 3. 927 p. (In Russ.).
3. Zlotnikova TS. Imperskoe bessoznatel'noe – kontekst tvorcheskogo samosoznaniya lichnosti [Imperial Unconscious – Context of Individual's Creative Self-Awareness]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogy Bulletin*. 2014;1(2): 213–217. (In Russ.).
4. Zlotnikova TS. Sub"ekt kul'tury i sub"ekt vlasti (russkie tvortsy – interpretatory kollizii vlasti v Rossii) [Subject of Culture and Subject of Power (Russian

Creators – Interpreters of Power Collisions in Russia)]. *Voprosy kul'turologii = Issues of Cultural Studies*. 2014;9: 44–53. (In Russ.).

5. Zlotnikova TS. *Filosofiya tvorcheskoi lichnosti [Philosophy of Creative Individual]*. Moscow: Soglasie; 2017. 918 p.

6. Vsevolodsky-Gerngross VN. (ed.) *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra v 7 t. T. 1 : Ot istokov do kontsa XVIII veka [History of Russian Dramatic Theater in 7 vol. Vol. 1: From Origins to the End of the 18th Century]*. Moscow: Iskustvo; 1977. 485 p. (In Russ.).

7. Le Bon G. *Psikhologiya mass [The Crowd: A Study of the Popular Mind]*. Samara: Bahrah-M Publishing House; 1998. 592 p. (In Russ.).

8. Losev AF. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The Problem of Symbol and the Realistic Art]*. Moscow: Iskustvo; 1995. 320 p. (In Russ.).

9. Maritain J. Otvetstvennost' khudozhnika [The Responsibility of the Artist]. In: *Samosoznanie evropeiskoi kul'tury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve [Self-Awareness of 20th-Century European Culture: Western Thinkers and Writers on Culture's Place in Contemporary Society]: Anthology*. Moscow: Politizdat; 1991. 366 p. (In Russ.).

10. Nietzsche F. *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe; Veselaya nauka; Zlaya mudrost': aforizmy i izrecheniya [Human, All Too Human; The Gay Science; The Wicked Wisdom: Aphorisms and Quotes]*. Minsk: Potpourri; 1997. 704 p. (In Russ.).

11. Plekhanov GV. Iskustvo i obshchestvennaya zhizn' [Art and Public Life]. In: *Estetika i sotsiologiya iskusstva v 2 t. [Aesthetics and Sociology of Art in 2 vol.]*. Moscow: Iskustvo; 1978. Vol. 1. 631 p. (In Russ.).

12. Pushkin AS. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. [Complete Works in 10 vol.]*. Moscow: Publishing House of USSR Academy of Sciences; 1949. Vol. 8. 580 p. (In Russ.).

13. Pushkin AS. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. [Complete Works in 10 vol.]*. Moscow: Publishing House of USSR Academy of Sciences; 1949. Vol. 10. 899 p. (In Russ.).

14. Sorokin PA. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [Human. Civilization. Society]*. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p.

15. Freud S. Massovaya psikhologiya i analiz chelovecheskogo «Ya» [Group Psychology and the Analysis of the Ego]. In: Freud S. «Ya» i «Ono»: *Trudy raznykh let v 2 t. [The Ego and the Id: Works of Various Years in 2 vol.]*. Tbilisi: Merani; 1991. Vol. 1. 398 p. (In Russ.).

16. Huizinga J. *Homo ludens: V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens: In the Shadow of Tomorrow]*. Moscow: Progress; 1992. 458 p. (In Russ.).

17. Jung C-G. *Problemy dushi nashego vremeni [Modern Man in Search of a Soul]*. Moscow: Progress; 1996. 336 p. (In Russ.).

Submitted 08.07.19 Accepted 20.08.19